

Отношение к церковной иерархии в общине свящ. Анатолия Жураковского в 1927 – нач. 1930-х гг.

Дата публикации: 14.03.2012

Екатерина Александровна Степанова (Москва, СФИ), доклад на XVIII Сретенских чтениях

В 1920-х годах, когда советская власть от попытки прямого уничтожения церкви перешла к более тонким действиям, в том числе к инспирированию различных расколов, перед многими верующими людьми встал вопрос о границах подчинения церковной иерархии. Данная работа посвящена тому, как этот вопрос решался в одной киевской христианской общине, которую возглавлял молодой образованный священник, ориентирующий своих духовных чад на воцерковление всех сторон жизни.

Вначале дадим краткий портрет самого о. Анатолия Жураковского и его общины. Подчеркнем, что он был совсем не типичным представителем духовенства для России начала XX в. Прежде всего он не был выходцем из священнического сословия; принял христианство сознательно, а не по традиции. Он закончил историко-философское отделение Киевского университета, был участником заседаний Киевского религиозно-философского общества, печатался в издаваемом В.И. Экземплярским журнале «Христианская мысль». В силу полученного образования и стремления всеми силами послужить созиданию «христианской общности» мог различать и обличал те или иные искажения и подмены, возникшие внутри церковной традиции за время исторической жизни Церкви. Более того, в собственной жизни, как и в жизни создаваемой им общины, старался никаких подобных подмен не допускать, и был очень внимателен к тому, что оказывалось в центре в жизни человека, общины, церкви, ибо это центральное место могло принадлежать только Христу и евангелию. Жаждал церковного обновления и возрождения, причем источником его видел не те или иные законодательные реформы, но «религиозное, мистическое объединение душ и сердец не только в сфере внешних отношений, но в самых глубинах чувства и воли»¹.

Став пастырем, о. Анатолий главной своей целью положил созидание христианской общины, братства. Ещё в 1917 г. он писал: «Нужно организовывать вне приходские братства. Внешние формы таких братств не важны. Важно только, чтобы члены каждого из братств находили пути к душе друг друга и воистину были бы едино. Братство должно быть союзом любви, организуемым по образу Святой Троицы и связуемом в таинстве Евхаристии. <...> Кроме литургийных собраний члены братства должны собираться для совместного молитвенного чтения Евангелия и святоотеческих творений, для обсуждения наболевших вопросов церковной жизни, для обсуждения социальных вопросов с точки зрения православия, для того, чтобы делиться друг с другом трудностями личной религиозной и частной жизни каждого из братьев и для совместных трапез по примеру первых христиан. Каждый из членов братства должен

полностью входить в жизнь других. Между членами братства должно быть до конца проведено начало взаимопомощи во всех областях, в области имущественной вплоть до общения имуществ. Женщины должны принимать в братстве самое широкое активное участие»². Практически всё это воплотилось в жизни собираемой о. Анатолием общины. В ее состав, как указывает П.Г. Проценко входили, с одной стороны, «молодые люди из высокообразованных дворянских семей, т.е. из тех слоев общества, на которые новая власть поставила печать классового изгойства», с другой стороны, «молодежь... принадлежавшая к обывательской среде», а также «отпрыски старой служилой интеллигенции»³. При этом в общину входила не только молодежь, но и более старшие представители образованных слоев общества.

Внутри патриаршей церкви на Украине в начале 1920-х годов был открыт вопрос о том, кто возглавляет Киевскую кафедру в Российской православной церкви. Ситуация с замещением Киевской митрополичьей кафедры подробно рассмотрена в статье свящ. А. Мазырина⁴, поэтому здесь мы лишь коротко обозначим суть проблемы. После того, как в ноябре 1920 г. митрополит Антоний (Храповицкий), возглавлявший Киевскую кафедру, окончательно эмигрировал и возглавил заграничное Высшее церковное управление, он сохранил за собой титул митрополита Киевского и Галицкого, но, конечно, фактически управлять епархией не мог. В 1921 г. патриарх Тихон направил на Украину своего экзарха — митрополита Михаила (Ермакова) в качестве временно управляющего епархией. Впоследствии ни патриарх, ни митрополит Пётр (Полянский) не лишали митрополита Антония (Храповицкого) титула «Киевского и Галицкого» и не назначали кого-либо митрополитом Киевским, хотя оба они испытывали определенное давление гражданской власти в связи с этим вопросом (см., напр. протокол допроса митрополита Петра (Полянского), опубликованный игуменом Дамаскиным (Орловским)⁵. Вопрос был решен уже при митрополите Сергии (Страгородском) и, по всей видимости, оказался тесно связан с выпуском митрополитом Михаилом своего Обращения к «архипастырям, пастырям, клирикам, честному иночеству и всем верным чадам Украинской Православной Церкви» от 17 ноября 1927 г., во многом сходного по содержанию с Декларацией митрополита Сергия (Страгородского) 1927 г. Есть свидетельства того, что перед митрополитом Михаилом (Ермаковым) соответствующими государственными органами был поставлен выбор: выпустить обращение и стать «митрополитом Киевским» или же после освобождения из одной ссылки отправиться в другую⁵.

О церковной полемике, развернувшейся вокруг Декларации митрополита Сергия (Страгородского), в настоящее время опубликовано довольно много материалов. Если кратко суммировать их содержание, то получится следующая картина. Декларация во многом вызвала неприятие в церковных кругах, однако при этом часть духовенства (в том числе и целый ряд очень достойных иерархов и пастырей, ныне прославленных в лике святых) посчитали необходимым отложиться от митрополита Сергия (Страгородского), а другая часть сочла раскол большим злом и продолжала пребывать в общении с Заместителем патриаршего местоблюстителя, что совсем не означало полного внутреннего принятия ими того, что было изложено в Декларации.

Июльская декларация митрополита Сергия (Страгородского), конечно, появилась не на пустом месте. Ей предшествовала своего рода внутрицерковная «дискуссия» о возможности и необходимости легализации Церкви в советском государстве. Важно помнить, что обсуждение этого вопроса внутри церкви велось в условиях разворачивающихся репрессий против духовенства. Тем не менее появлялись те или иные письменные документы (обращения, письма и т. д.), в которых высказывались различные точки зрения на легализацию. Диапазон позиций простирался от резкого неприятия легализации и призывов к уходу в катакомбы до признания легального существования Церкви в условиях советского государства желательным и обсуждения тех условий, на которых легализацию следует получать. По свидетельству некоторых документов, в 1927 г. митрополит Сергий (Страгородский) оказался перед фактом того, что часть церкви считала легализацию, тем более на условиях безбожной власти, не нужной для Церкви, а часть епархий самостоятельно начинала выстраивать отношения с гражданской властью, независимо от действий церковного центрального управления⁷.

Для нашей работы важно то, что вслед за июльской Декларацией митрополита Сергия (Страгородского) митрополитом Михаилом (Ермаковым) было выпущено аналогичное Обращение, в котором, по оценке одного из духовных чад о. Анатолия Жураковского, митрополит Михаил (Ермаков) «пошел еще дальше митр. Сергия». Надо отметить, что митрополит Михаил (Ермаков), предвидя те церковные нестроения, которые вызовет текст его обращения, явно стремился к тому, чтобы этот текст не получил широкой известности. Сохранилось свидетельство М.Н. Пантелеева⁸ о том, что, «на прямо поставленные ему [митрополиту Михаилу] вопросы о декларации, он упорно молчал, а больше плакал, понимая, очевидно, какое зло приносит Церкви раскол. Своим нетребованием чтения декларации в Киевских церквях он несколько умирил настроение, ибо чтение дало бы среди простого народа много вопросов, непониманий, запутываний, ненужных споров и новых разделений»⁹. О

нежелании митрополита Михаила (Ермакова) давать широкую огласку подписанному им Обращению пишет и неизвестный автор «Краткой годичной истории Русской Православной Церкви. 1927–1928 г.»¹⁰: «Он [митрополит Михаил]... написал декларацию, даже левее декларации Митрополита Сергия, в которой особенно нападает на епископат и духовенство, сущих в эмиграции. Но потом, видимо боясь народного возмущения, остановил рассылку своей декларации, так что выпустил в свет самое малое число экземпляров и она широкой публике неизвестна»¹¹.

Итак, Декларация митрополита Сергия (Страгородского) была воспринята в Церкви неоднозначно. Отец Анатолий Жураковский принадлежал к числу лиц, считавших Декларацию абсолютно неприемлимой. Сам он объяснял свое неприятие следующим образом: «Когда митрополит Сергей выступил со своей декларацией, то это его действие в своей (неск. слов неразборчиво из-за разрыва страницы. — Е.С.) воспринято мною как нарушение евангельского принципа невмешательства в дела мира и вместе с тем как лживая двусмысленность. Декларация истолковывалась в явно противоположных смыслах. Я твердо убежден, что двусмысленность не терпима в устах церковных деятелей, извращения Евангельских принципов также. Поэтому для меня оказалось невозможным следовать за митр. Сергием. Я допускаю, что отказ от принятия декларации, вообще говоря, может быть истолкован двояко. Одни могли бы подойти к этой декларации с точки зрения своих личных политических убеждений, — не принять ее как несогласную с этими убеждениями. Такой подход мне совершенно чужд, я не приемлю декларацию по религиозным мотивам, т. к. не приемлю лжи и двусмысленности»¹². Мотивы отвержения декларации слышны и в проповедях о. Анатолия. Мы столь подробно останавливаемся на них, поскольку несогласных с декларацией было много, но большинство в конце концов сочло ее чем-то вроде допустимого политического хода. Для о. Анатолия же такое принятие было невозможно в принципе. Не говоря напрямую о Декларации и не упоминая имени митрополита Сергия (Страгородского), осенью 1927 г., обличая христиан в стремлении приспособить христианство к условиям мира сего и тем самым воздвигнуть себе кумира вместо Христа, о. Анатолий говорит: «Служители теперешней церкви видимо забывают слова Иисуса Христа: Созижду Церковь Мою и врата ада не одолеют ее, что церковь создана Господом для спасения людей и будет спасена Самим Господом. Люди хотят сами спасти церковь и притом человеческими способами, идя для этого на уступки, компромиссы, двойственность, на подчинение злу, забывая при этом, что у Иисуса Христа, которому мы должны подражать, не было двойственности “да” и “нет” одновременно, а было лишь “да” и “аминь”. Свойства Иисуса Христа — “смирение” и “кротость” были Им проявлены по отношению к Отцу Небесному, а не тогда, когда Он видел зло. Современная церковь забывает, что со злом Он никогда не мирился. Он и пришел, чтобы его уничтожить. В словах Иисуса Христа: “Горе вам, книжники и фарисеи, гробы поваленные, порождение ехидны” не слышно кротости и смирения, а чувствуется сила, величие, гнев...»¹³

Несмотря на столь резкую и однозначную оценку Декларации митрополита Сергия (Страгородского), о. Анатолий не спешил предпринимать какие-либо практические шаги, считая необходимым прежде выяснить позицию возглавлявшего православную церковь на Украине митрополита Михаила (Ермакова). «Когда ранней осенью 1927 г. я ознакомился с декларацией м. Сергия, для меня сразу стала ясной ее неприемлимость. <...> О каких-либо действиях в ту пору не могло быть и речи, т. к. было неизвестно как будут реагировать епископы, в частности м. Михаил, экзарх Украины»¹⁴. В подобной реакции о. Анатолий был не одинок, многие представители киевского духовенства, в том числе и весьма авторитетные священники, такие как о. Александр Глаголев, архимандрит Ермоген (Голубев), с которыми впоследствии пути о. Анатолия разошлись, придерживались сходной позиции, т. е. декларацию оценивали как неприемлимую, но при этом считали нужным дождаться возвращения из ссылки патриаршего экзарха Украины митрополита Михаила (Ермакова) и узнать его мнение.

Важно отметить, что о. Анатолия и митрополита Михаила (Ермакова) связывали не только иерархические, но и личные отношения. Благодаря митрополиту Михаилу (Ермакову) в самом начале своего священнического служения о. Анатолий был переведен из деревни под Киевом в Киев, во время первого ареста о. Анатолия они находились в Бутырской тюрьме в одной камере, «Пасху они встречали вместе. Митрополит Михаил возложил на о. Анатолия крест, искусно сделанный им самим из хлеба и раскрашенный карандашом»¹⁵.

Когда после возвращения из ссылки митрополит Михаил (Ермаков) в конце декабря 1927 г. приехал в Киев, о. Анатолий встречался с ним, однако беседа не принесла желаемого результата. После того, как в январе Обращение митрополита Михаила (Ермакова) в отпечатанном виде было разослано по храмам, о. Анатолий «послал заявление “уполномоченному” епископа (б. благочинный) с очень кратким извещением о том, что присланную декларацию считает неприемлимой». Не оставляя попыток сохранить общение с собственным архиереем, о. Анатолий направил митрополиту Михаилу (Ермакову) письменное объяснение по поводу неприятия его Обращения. Как позже он сам свидетельствовал на

допросе, «это письменное объяснение составлял я при участии а. Спиридона, священника А. Бойчука, с которыми виделся у себя на квартире. <...> Мы просили м. Михаила оставить намеченный им путь, указывая, что декларация м. Сергия уже встретила недовольство в церковных кругах и заканчивали призывом к единению»¹⁶. Киевский историк С.И. Белоконь в своем исследовании, посвященном о. Анатолию приводит текст обращения к митр. Михаилу, в котором обращают на себя внимание следующие слова: «Не может христианин все радости и успехи гражданской родины считать своими радостями и успехами, а все неудачи — своими неудачами. У гражданской родины есть свои земные радости и скорби, далекие от Бога, а иногда и противные Ему. Если христианин все эти радости и все эти скорби признает своими, он сольется с миром и станет "другом мира", он очутится в положении невозможности одновременно служить Христу-Богу и миру и станет врагом Бога, ибо слово Божие говорит, что дружба с миром есть вражда против Бога. <...> Нелегко нам свидетельствовать о своем разномыслии с архипастырем нашим, которого мы привыкли не только глубоко чтить, но и любить сыновне. Мы сознаем свое недостойнство и знаем, что удобнее было бы нам "любить молчалне". Но боимся, чтобы молчанием своим не возложить на себя непереносимое бремя ответственности перед Богом за введение в жизнь начал, явно противных внутренней природе Церкви»¹⁷. Известно, что митрополит Михаил (Ермаков) разорвал бумагу, не читая ее. Из протоколов допросов о. Анатолия и его духовного чада Георгия Косткевича мы видим, что проблема отношения к декларациям митрополита Сергия (Страгородского) и митрополита Михаила (Ермакова) неоднократно обсуждалась киевским духовенством, так же как и возможные пути воздействия на митрополита Михаила (Ермакова). При этом о. Анатолий подчеркивает, что он рассматривал Декларацию не как политическое выступление, а как «ересь низвержения нравственных устоев Евангелия»¹⁸ и сохранял эту точку зрения несмотря на возражения о том, что Декларация не затрагивает вероучительного момента и, следовательно, ереси не содержит.

Положение оставалось неизменным до осени 1928 г., т.е. до того момента, как митрополит Михаил (Ермаков) вместе с малым собором епископов (своего рода аналогом временного Синода при митрополите Сергии (Страгородском)) опубликовали постановление о лишении кафедр украинских епископов, находившихся в ссылке. По настоянию Карина, представителя ГПУ, которого епископы между собой называли «обер-прокурором Синода в масштабе украинской церкви» тогда же было принято распоряжение, запрещающее какие-либо сборы в храмах и по епархиям для ссыльных епископов¹⁹. Эти решения подтолкнули о. Анатолия к тому, чтобы отложиться от правящего архиерея и активно искать возможность присоединиться к архиепископу Гдовскому Димитрию (Любимову), как одному из авторитетных епископов, порвавших общение с митрополитом Сергием (Страгородским). Отец Анатолий лично приезжал в Ленинград, встречался с о. Федором Андреевым, через общинников пытался установить связь с «непоминающей» общиной «мечевцев» и в итоге перешел к архиеп. Димитрию (Любимову).

Итак, о. Анатолий Жураковский после долгих сомнений и колебаний, после нескольких попыток объясниться как лично, так и письменно и сохранить общение, встретившись с тем, что от лица церкви издаются якобы внутрицерковные, но в то же время совершенно неканонические и явно продиктованные гражданской властью постановления, принял решение отложиться от своего правящего епископа. О том, сколь непросто далось ему такое решение, свидетельствуют слова проповеди, произнесенной 8 октября 1928 г.: «Один Господь ведает, как тяжело было нам отказаться от послушания. Сколько душевных страданий, колебаний и молитв Богу было принесено нами прежде, чем стали мы на этот путь, на который мы вступили. <...> Мы ждали и надеялись несколько месяцев... но теперь мы видим ясно, что ждать больше нельзя. Наша совесть и звание пастыря не позволяет нам далее молчать, иначе и мы будем этим искажать Истину и Правду Евангельскую, применяя Евангелие к жизненным условиям и ставя человеческие измышления выше Истины, возвещенной Самим Господом в Евангелии»²⁰.

1. Жураковский А. Литургический канон теперь и прежде. М., 2006. С. 61–62.
2. Голубовская Н., Жураковский А. Из дум о братстве в Церкви // Христианская мысль. 1917. № V–VI. С. 148–149.
3. Проценко П. Лицом к лицу: пастырский опыт о. Анатолия Жураковского. С. 51, 56, 58.
4. Мазырин А., иерей. Вопрос о замещении Киевской кафедры в 1920-ые годы // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. 2007. Вып. 2 (23). С. 58–67; Вып. 3 (24). С. 118–131; Вып. 4 (25). С. 62–70.
5. Дамаскин (Орловский), иером. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской православной церкви XX столетия: Жизнеописания и материалы к ним: Книга 2. Тверь: Булат, 1996. С. 478–488.
6. Алчущие правды: Материалы церковной полемики 1927 года. М.: Изд-во ПСТГУ, 2010. С. 373.

7. Протокол допроса Г.А. Косткевича от 5 января 1931 г. // ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 64454. Т. 1. Л. 84.
8. Пантелеев Михаил Николаевич (1885–1950), инженер, с молодых лет отличался глубокой религиозностью, принимал активное участие в церковно-общественной жизни Киева, был председателем церковной общины Серафимовского братства, образованного при Покровском монастыре.
9. ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 66923. Т. 1. Л. 198 об.
10. Эта статья была опубликована в газете «Церковные ведомости», выходящей в г. Сремски Карловцы (1928. № 23/24. С. 5–8 и 1929. № 1/2. С. 5–8; 1929. № 3/12. С. 32) под рубрикой «Церковная литература в советской России». В следственном деле Н-7377 находится копия этой статьи (Т. 4. Л. 165–173).
11. ЦА ФСБ. Д. Н-7377. Т. 4. Л. 169. Цит. по: «Алчущие правды». С. 373.
12. Протокол допроса от 5 ноября 1930 г. // ЦА ФСБ. Д. Н-7377. Л. 171.
13. Неопубликованная проповедь 31 октября 1927 г. из архива М.А. Глаголевой-Пальян, ркп.
14. Протокол допроса от 20 февраля 1931 г. // ЦА ФСБ. Д. Н-7377. Л. 192.
15. Малоизвестные страницы церковного служения Экзарха Украины митрополита Михаила (Ермакова) в 1922-1923 годах (по материалам следственного дела) // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. 2009. Вып. II:1 (30). С. 81.
16. Протокол допроса от 20 февраля 1931 г. // ЦА ФСБ. Д. Н-7377. Л. 192-193.
17. Белоконь С.И. Отец Анатолий Жураковский и киевские иосифляне. С. 68, 69.
18. Протокол допроса от 21 ноября 1930 г. // ЦА ФСБ. Д. Н-7377. Л. 175.
19. Протокол допроса Г.А. Косткевича от 5 января 1931 г. // ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 64454. Л. 99.
20. Неопубликованная проповедь от 8 октября [1928 г.] из архива М.А. Глаголевой-Пальян.